

Г.Н. ЮСУПОВА

БОРЬБА ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ЗА СТАТУС. РОЛЬ РЕЛИГИИ

Статья посвящена теоретическому анализу механизмов и факторов борьбы этнических групп за статус, и в частности инструментальной роли религии как культурного феномена. Рассматриваются идейные основания проблематики этнических статусов, содержащиеся в теориях социальной стратификации П. Сорокина, М. Вебера. Методологическая основа анализа — теория Ф. Паркина о двух основных механизмах изменения статуса групп — исключении и узурпации, а также концепции национализма Э. Геллнера и Д. Хоровица. Автор приходит к выводу, что основными условиями удержания (или изменения) особого статуса этнической группы посредством религии являются: монополизация ресурсов, легитимация особых прав группы, формирование уникальных культурных черт.

Ключевые слова: социальная стратификация, религия, национализм, легитимация власти.

Постановка проблемы и теоретические основания исследования

Вопросы формирования и поддержания особого статуса группы рассматриваются в первую очередь в рамках теорий социальной стратификации. При изложении своих теорий некоторые ученые уделяли внимание возможности рассматривать этническую группу как страту. П.А. Сорокин понимал под социальной стратификацией «дифференциацию некой данной совокупности людей на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в высшем и низшем слоях. Её основа и сущность — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанностей, наличии и отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного

Юсупова Гузель Нурулловна — аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3, факультет политических наук и социологии. Телефон: 8 (926) 311-57-70
Электронная почта: gyusupova@eu.spb.ru

сообщества» [7, с. 302–303]. При этом в своей ранней работе Сорокин отмечал, что «так называемое “национальное” неравенство есть лишь частная форма общего социального неравенства» [8, с. 248–249]. Таким образом, для него этнической стратификации не существует, так как она «разлагается на иные более простые ограничения» социального порядка. Тогда как М. Вебер в своей работе «Класс, статус, партия» [22] описывал механизмы выделения статусных групп, к которым относили и социальную сегрегацию по этническому признаку [22, с. 29]. С точки зрения М. Вебера, статусные группы стратифицированы по принципам потребления благ, выраженных в образе жизни, а также через доступ к членству в различного рода объединениях. Важным для данных объединений является наличие неких отличающих их характеристик и символов. Теоретик социальной стратификации Ф. Паркин, следуя логике М. Вебера, описывал механизмы удержания группой своего положения [20]. В соответствии с его теорией группы формируются в процессе коллективного действия, нацеленного на монополизацию ключевых ресурсов, определяющих их возможности и виды на социальное продвижение. Это коллективное действие принимает форму социального «ограждения» (closure) от других претендентов на ресурсы и вознаграждения. Ограждение выступает в двух основных формах: «исключение» (exclusion) и «узурпация» (usurpation) [20, с. 4].

Помимо теорий стратификации важными представляются и исследования, посвященные борьбе этнических групп за статус, его изменение или сохранение. Здесь наиболее значима концепция Д. Хоровица [18], в которой рассматривается связь статуса группы и религии в качестве одного из способов легитимации права управления определенной территорией. Д. Хоровиц предложил общую теорию, описывающую, как происходит борьба этнических групп в полиэтничном сообществе за статус и эксклюзивные или инклюзивные права, отражающие данный статус. В этой борьбе важную роль играют символы группы, которые участвуют в статусной политике. Если группа смогла навязать свои символы другим группам, населяющим ту же территорию, то она занимает более привилегированную позицию, нежели другие. Эти символы выражаются во флагах, гербах, которые часто состоят из символов, семантически отсылающих к этническим эпосам. Другие семантические составляющие флага или герба конкретной полиэтничной территории могут рассматриваться двояко, как, например, зеленый цвет во флаге Татарстана как символ плодородия и/или как символ ислама. Слова официального гимна могут отсылать к истории конкретного доминирующего этноса, несмотря на полиэтничность населения территории, как, например, в

гимне Чечни есть строчка «Песня Шатлака дала нам силу!», где подразумевается героико-эпическая песня вайнахов (чеченцев и ингушей). Часто неофициальный гимн бывает более популярен, нежели официальный. Как справедливо замечает В. Тишков, «в многоэтничных по своему составу населения республиках всегда имелась, а сейчас еще более возрастает тенденция рассматривать государственность, а вместе с этим и территорию как исключительную собственность народа, давшего название республике. В Эстонии, например, самые высокие руководители настаивают на необходимости подчеркивать, что республика является национальным государством эстонского народа, в состав которого входят собственно эстонцы как коренная нация и меньшинства, к которым относятся русские, латыши, финны, евреи и представители других народов» [9, с. 19].

Таким образом, появляется как минимум два измерения — титульные этнические группы с высоким статусом и нетитульные — с более низким. Низкий статус тесно связан с чувством национальной ущемленности. Этносоциолог М.В. Савва, выделяет два важнейших субъективных элемента этнического статуса — внутреннюю сплоченность группы и степень сохранности ее этнической культуры, в частности языка [5, с. 28].

В нашей работе мы подробнее рассмотрим влияние на этнический статус религии как культурного феномена. С одной стороны, мы рассмотрим религию как часть уникальной культуры отдельной этнической группы. Идею необходимости формирования новой культуры, основанной на этнических символах, для создания национального государства в будущем развивал Э. Геллнер [1]. Он писал о том, что для образования нации необходимо совпадение границ культурных и политических, поэтому наличие культурного содержания делает неизбежным появление политических границ и, напротив, наличие политических границ является стимулом для их заполнения уникальной культурой.

С другой стороны, необходимо обозначить роль религии как инструмента националистической борьбы. В последние годы стали появляться работы, посвященные изучению религиозного национализма. Наиболее представительными среди них являются труды Дж. Банхарта [11], Д. Биллингза и Б. Скотта [13], а также Б. Линкольна [17]. Однако почти все эти работы слабо теоретизированы и ограничиваются лишь несколькими классификациями роли религии в националистическом движении, завершая анализ общими выводами, что националистические или сепаратистские тенденции могут распространяться и возрождаться при помощи религии. В данной работе сделана попытка теоретического осмысления роли религии в статусной динамике этнических групп.

Несмотря на то, что представленные работы в той или иной мере затрагивают изменение статуса этнической группы и влияния религии на данный процесс, до конца не проясненным остается механизм использования религии для сохранения особого статуса этнической группы. Р. Брубейкер в анализе связи религии и национализма выделил четыре основных популярных теоретических подхода: религия и национализм — это аналогичные феномены; религия объясняет национализм; религия как часть национализма; религия как форма национализма [15]. Для самого Р. Брубейкера религия обеспечивает спецификацию содержания национализма, то есть того, как объединяются государство, территория и культура. Мы в своем исследовании согласны с ним и рассматриваем религию как инструмент удовлетворения политических требований этнической группы. В связи с этим необходимым представляется создание теоретической модели, позволяющей наиболее комплексно проанализировать роль религии в удержании этническими группами своего привилегированного статуса. Ниже последовательно рассматриваются элементы этой модели.

Иерархия этнических групп

Отправной точкой в поиске основы для изучения механизмов сохранения этнической группой особого статуса стала теория статусной дифференциации М. Вебера, в которой он анализирует условия существования статусных групп в обществе [22]. Вслед за М. Вебером под статусными группами в данном исследовании понимаются общины, члены которых ведут определенный образ жизни и имеют свободный доступ к ограниченному набору ресурсов. При этом членство в них не обязательно формально закреплено и четко артикулируется, чаще всего оно пределяется образом жизни. Согласно М. Веберу иерархия статусных групп обусловлена прежде всего различием в социальном престиже. Степень престижа в свою очередь определяется оценкой любого произвольно выбранного качества, которое может быть присуще множеству людей, и чаще всего это доступ к ограниченным ресурсам и возможностям. Конечно, престиж может быть связан также с классовой ситуацией: классовые различия самыми разными путями связаны со статусными [22, с. 26].

В любом обществе престиж распределен неравномерно, что дает основания для дифференциации статусных групп. В связи с этим важно отметить существование дифференциации престижа в этносоциальном контексте. Так, по мнению М. Саввы, понятие этнического статуса указывает место индивида или группы в системе межэтнических отношений на личностном и групповом уровнях. «Этнический статус представляет собой атрибут любого неизолированного этноса или этнической группы, и человек обладает им лишь постольку, поскольку принадлежит к определенной общности. Рассматриваемый

статус имеет сложную структуру. Он обусловлен объективными факторами (включенность представителей того или иного этноса в систему управления, уровень их доходов, образование и т. д.). Но в еще большей степени этнический статус определяется феноменами группового сознания (самооценка этноса в целом, различных групп и слоев внутри этноса, а также отзывы со стороны контактирующих общностей по целому ряду критериев, например, степени внутренней солидарности)» [6, с. 141]. Таким образом, можно заключить, что степень престижа этнической группы варьируется в зависимости от ее доступа к власти, ограниченным ресурсам и внутренней и внешней оценки солидарности ее членов.

Престиж этнической группы

Различный набор ресурсов и возможностей для разных социальных групп задает определенный уровень престижа группы, формирует и воспроизводит статусную иерархию в обществе в целом. Например, данные исследования, проводимого под руководством Л.М. Дробижевой, — «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» — показали, что титульный статус этнической общности/группы непосредственно влияет на ее самооценку. Экономические трудности, переживаемые татарами Татарстана, якутами Якутии и русскими этих республик одинаковы, но не одинаково «психологическое сопровождение» этого процесса, так как титульные народы переживают экономическую реформу не только «в условиях выигрыша в социальном и политическом положении», но и в условиях «расцвета» собственного этнокультурного габитуса [2, с. 58]. Это может говорить о большем престиже титульных групп республик, нежели этнических меньшинств, их населяющих.

Различие в престиже выражается в образе жизни членов данной статусной группы [22, с. 28]. Особый образ жизни в свою очередь предполагает соблюдение целого ряда правил, которым зачастую сложно следовать людям, не принадлежащим к данной группе, из-за отсутствия у них доступа к определенным ресурсам и возможностям. Таким образом, основными характеристиками любой статусной группы, согласно М. Веберу, являются престиж и образ жизни.

В то же время статусный престиж и групповые границы возможно поддерживать, лишь соответствуя требованиям общества к образу жизни, принятому в данной статусной группе. Решающая роль образа жизни для статусного престижа означает, что члены статусных групп — это конкретные носители тех или иных «условностей» (conventions). Поэтому представители каждой из групп должны соблюдать все условности, которые считаются необходимыми для причисления их к определенному кругу. Все это делается, чтобы достигнуть полной «стилизации» жизни, которая помогает определять статус той

или иной группы. Как бы сильно ни отличались друг от друга все принципы, организующие статусные условности, они всегда сохраняют некоторые типичные черты, особенно это верно для тех статусных групп, которые занимают привилегированное положение в обществе [22, с. 33].

Однако лишь соответствие ожидаемому стилю жизни для поддержания границ является недостаточным. Для статусных групп характерно выстраивание различных социальных барьеров с целью недопущения «чужих» в свои ряды. Таким образом группы сохраняют «статусный престиж», превращая членство в своеобразный «эксклюзивный товар». Одним из наглядных примеров этого, по М. Веберу, является членство в сектах и всякого рода кружках, подчеркивающих свое отличие при помощи особых характеристик и символов [22, с. 28]. Поддержание статусных отличий неминуемо влечет за собой социальное исключение, под которым понимается процесс максимизации собственных выгод через ограничение доступа членам других групп к возможностям и привилегиям, то есть через монополизацию ресурсов.

Механизмы социального ограждения статуса этнической группы

Следуя веберовской логике, Ф. Паркин описал механизмы, благодаря которым социальная группа сохраняет свой особый статус в современном обществе. Он отмечает, что группы формируются в процессе коллективного действия, нацеленного на монополизацию ключевых ресурсов, способствующих социальному продвижению. К таким ресурсам относятся не только собственность, образование и квалификационные дипломы, но также расовые, языковые, *религиозные* атрибуты — все то, что может быть использовано для улучшения жизненных шансов представителей данной группы. Коллективное действие по исключению «чужаков», как отмечалось, принимает форму социального «ограждения» (closure) от других претендентов на ресурсы и вознаграждения [20, с. 4].

Социальное ограждение имеет две основные формы:

– «*исключение*» (exclusion), под которым понимается попытка одной группы сохранить и защитить свою привилегированную позицию за счет какой-то другой группы посредством субординации;

– «*узурпация*» (usurpation), подразумевающая, напротив, использование власти в отношении вышестоящих групп. Узурпация обычно является реакцией на действия по исключению, которое представляет собой господствующую форму социального ограждения в любом стратифицированном обществе. Узурпация — коллективный ответ представителей исключенной группы, которая в свою очередь может монополизировать ресурсы через практики исключения [20, с. 4].

Таким образом, если социальное исключение представляет собой механизм, позволяющий сохранить уже существующую иерархию, то узурпация — это механизм изменения сложившейся иерархической системы [20, с. 5]. Из этого следует, что применение узурпации предполагает более высокую цену, так как для этого требуются большие социальные преобразования. Вместе с тем, механизмы исключения нередко бывают закреплены законодательно или неформально включены в культурные паттерны общества [20, с. 10].

Каждая группа может одновременно использовать оба механизма ограждения по отношению к другим группам. Например, группа рабочих (белых мужчин-протестантов) может, с одной стороны, использовать механизм узурпации по отношению к своим работодателям (например, через забастовки), но с другой стороны — проводить политику исключения в отношении цветных рабочих, католиков, женщин [20, с. 13]. С этим утверждением схоже мнение В. Малахова об этническом разделении труда: «...производство этнической идентичности — интегративная часть общественного производства людьми своей жизни. Наиболее типичная форма производства этничности — этническое разделение труда. Исторически сложившееся распределение социальных ролей (обусловленное целым рядом юридических и экономических обстоятельств) выглядит как этническая стратификация общества, как социальное оформление этнокультурных предпочтений» [4, с. 120]. Схожесть взглядов здесь в том, что во время этнической сегрегации труда применяется политика исключения в отношении других этнических групп и, иногда, узурпация (то есть попытка неподчинения) власти доминирующей этнической группы через забастовки в определенном, принадлежащем диаспоре, секторе экономики.

Итак, согласно теориям социальной стратификации группы в обществе обладают различными статусами. Эта разница обусловлена различиями в ресурсах. При этом каждая из групп старается не просто обладать наибольшим количеством ресурсов, но и получить к ним эксклюзивный доступ. В связи с этим принципиально важным для формирования статусной иерархии является социальное ограждение, имеющее две основные формы: исключение и узурпацию.

По М. Веберу, этнические сообщества можно рассматривать как статусные группы, взаимодействие между которыми осуществляется на основе социальной иерархии. Совпадение границ этнической и статусной групп в своем крайнем проявлении может выражаться в кастовом строе: «В целом статусная структура приходит к своим крайним пределам только в том случае, — пишет М. Вебер, — если в основании этой структуры лежат различия, которые считаются “этническими”». Каста — это естественная форма, которой обычно живут

этнические общины и которая существует наряду с другими формами, характерными для общества в целом. Эти этнические общины прокламируют кровнородственную связь, исключительно эндогенные браки и замкнутое социальное общение» [22, с. 31]. Он отмечает также, что «развитие статусных групп из этнической сегрегации никоим образом не является естественным. Оно случайно» [22, с. 32].

Однако далеко не всегда историческая случайность является фактором, определяющим место этнической группы в социальной иерархии. Д. Хоровиц в работе «Этнические группы в конфликте» демонстрирует, что формирование статусной иерархии зачастую связано с борьбой за ресурсы и последующей легитимацией особых прав, открывающих доступ к ним [18].

Легитимация привилегированного статуса этнической группы через исторический дискурс

Для исследования важными представляются три идеи Д. Хоровица. Во-первых, при изучении этнических групп, стремящихся к сохранению либо изменению своего статуса, важно обращать внимание на те усилия, которые предпринимаются для поддержания групповой лояльности. Последняя обеспечивается за счет артикуляции внутригрупповой пользы, преимуществ членства в группе и служит основой для готовности нести издержки при максимизации межгрупповых различий.

Во-вторых, заключает Д. Хоровиц, структура групповых этнических отношений в полиэтническом сообществе может быть либо ранжированной и тем самым создающей иерархичный порядок, либо неранжированной и создающей параллельный порядок, в котором каждая группа считает свое членство более престижным. Оба социальных порядка могут порождать этнические конфликты. Однако если в последнем случае этнические группы стремятся создать свое собственное государство, то в первом случае этнический конфликт приобретает окраску классового [18, с. 30].

В-третьих, с точки зрения ученого, особый статус привилегированной группы должен быть легитимирован. В случае этнических групп, проживающих на одной территории, эксклюзивный доступ к ресурсам может быть легитимирован на следующих основаниях.

1. **Автохтонность.** Большими правами обладают те, кто дольше всего живет на данной территории, даже если по численности они находятся в меньшинстве. Таким образом, важным является время заселения территории представителями тех или иных этнических групп. Историческая объективность не всегда оказывается решающим фактором при определении того, какая группа является автохтонной, а какая нет. Значимую роль может играть политический

контекст, в котором происходит формирование представлений об истории заселения территории.

2. **Традиция управления территорией.** Идея, что группа, исторически управлявшая территорией, должна и далее исполнять эту роль в жизни полиэтнического сообщества, легитимирует сложившуюся иерархию.

3. **Правопреемничество.** В случае колонизации при невозможности метрополии непосредственно управлять делами, или после окончания периода колонизации особые права, как правило, появляются у тех этнических групп, которые считаются правопреемниками колонизаторов. Ресурсы подобных притязаний со стороны местных этнических сообществ — это аккультурация и близкие отношения с (бывшими) колонизаторами, так как чаще всего последние передают свои привилегии наиболее лояльной к ним этнической группе, проживающей на данной территории.

4. **Особая миссия на данной территории,** как правило, религиозного характера. Эксклюзивные права имеет та этническая группа, которая либо осуществляет миссионерскую деятельность среди «варварских» народов, либо члены которой исповедуют определенную уникальную религию, а территория их проживания в свою очередь является единственным местом, где возможно ее свободное исповедание [18, с. 202–209].

Таким образом, границы статусных групп могут совпадать с границами этнических групп. Это совпадение поддерживается групповой лояльностью и может создавать иерархичный порядок общества, когда борьба за особый статус сводится к классовой борьбе, и неиерархический порядок, когда угнетенная группа стремится построить собственную социальную структуру, чаще всего через создание государства [18]. В любом случае при таком совпадении границ возникает необходимость легитимации статуса привилегированной этнической группы. Обращаясь к прошлому, ее интеллектуальная и политическая элита навязывает исторический дискурс о легитимности особого положения группы всему сообществу.

Символы группы в легитимации особого статуса

Культурные различия этнических групп полиэтнического сообщества являются основой для построения статусной политики групп, использующих для этого культурные символы, а также — еще одним ресурсом для легитимации особых прав группы.

Соотнесение частоты использования уникальных символов той или иной группы в политике региона с ее статусом показывает, что чем больше таких символов используется в репрезентации полиэтнического сообщества, тем более высок статус этой группы, тем более легитимны ее особые права.

Статусная политика в контексте данного исследования понимается как политика самопрезентации групп, участвующих в политической жизни полиэтнического сообщества или региона. Группы, борющиеся за особый статус, характеризует стремление к политическому доминированию и высокое символическое наполнение этнической политики [18, с. 186]. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что часто в полиэтническом сообществе культурные признаки могут быть смешаны и оспариваться группами друг у друга. Однако наиболее институционализируемая религия позволяет здесь проводить более четкие культурные границы.

Распространение престижа группы происходит прежде всего через официальное признание ее культурных символов [18, с. 216]. Символы сами по себе не являются ресурсами, но, выражаемые в политическом контексте, они показывают, кто дискриминируется, а кто находится в привилегированном положении, и поэтому могут использоваться в качестве механизмов ограждения. Цель символических требований также заключается в публичном утверждении легитимности, когда последняя оспаривается. Под символическими требованиями в данном случае подразумевается использование определенных символов конкретной группы в политической репрезентации региона¹. В таком качестве часто выступают религиозные символы — так, символом Шотландии служат изображения апостола Андрея, а также Х-образного креста, на котором он, по преданию, был распят.

Кроме того, политическое признание символов выражается в статусной политике, которую разыгрывают конкретные акторы — в данном случае представители определенных этнических групп. Д. Хоровиц ссылается на Р. Гасфилда [18, с. 217], который изучал умеренные движения в США и высказал мнение, что их истоки коренятся в склонности групп отделять «престиж и самоуважение» от соответствия «между своими нормами и нормами тех, кто доминирует в обществе». Когда статус группы не определен, предпринимаются попытки занять достойное место в иерархии статусов. Распределение престижа часто обуславливается символическими действиями тех официальных лиц, которые разыгрывают игру, где статус одной группы понижается, а предпочтение отдается другой. Члены каждой из групп требуют от личностей, отвечающих за ее интересы, всеми способами понижать статус оппозиционной группы или групп. Таким образом, политики конституируют один из важных ритуалов, которым определяется статус. Недовольство статусом возникает, когда престиж группы ниже, чем, по мнению ее членов, они заслуживают.

¹ Например, как уже указывалось, в региональной символике — гербе, флаге, гимне.

Поэтому политическое поведение этнической элиты направлено на то, чтобы приобретаемый престиж группы соответствовал субъективно желаемому [18, с. 218].

Престиж группы зависит и от того, какой уровень образования присущ ее членам в целом, какова их роль в формировании и воспроизводстве искусства, науки и политики. Л.М. Дробижина в сборнике исследований, посвященных социальному неравенству этнических групп, отмечает, что в постсоветской России «сложилась ситуация, когда в одних автономных республиках титульные национальности уже в течение сравнительно долгого времени имели свои высокообразованные кадры. Представители политической и культурной элиты не только широко и активно участвовали здесь в органах управления, создавали научные труды и произведения искусства, обучали молодежь, вершили судебные дела и т.п., но и стимулировали развитие национального самосознания, конструировали общественное мнение, способствовали сплочению своих этнических общностей. В ряде же других республик процесс формирования своей интеллигенции имел менее длительную историю, а у репрессированных народов был в силу известных причин приостановлен, деятельность по поддержанию статуса групп была не столь эффективна» [3, с. 29].

Итак, культурные символы играют значительную роль в признании статуса группы через статусную политику и часто используются в борьбе групп за повышение или удержание своего статуса. Это может выражаться как на формальном уровне (действия и заявления официальных лиц, презентации группы вовне), так и на неформальном (построение престижа определенной группы через стилизацию жизни, доступную только ее членам). Здесь важную роль играют религиозные символы, если религия, которой придерживаются члены более статусной группы, отлична от религии других этнических групп. Так, например, презентация Татарстана в мировом исламском сообществе как мусульманского анклава в России и участие президента республики в международных встречах в качестве представителя российских мусульман повышает статус этнической группы татар в полиэтническом сообществе республики.

Религия как культурный фактор борьбы за особые права

Культурные отличия могут служить основанием для легитимации требований особых прав со стороны той или иной этнической группы. Данная идея была высказана Э. Геллнером в работе «Пришествие национализма. Мифы нации и класса». Он отмечает, что «каждая культура требует себе политической крыши, и принципом легитимации государственной власти становится, прежде всего, охрана интересов данной культуры (и обеспечение экономического роста)» [1, с. 198]. Таким образом, согласно Э. Геллнеру, если у группы нет

собственной культуры, то нет и оснований для требований легитимации особых прав. Важной представляется его идея, что группы, где нет значимой доли людей, занимающих ключевые позиции в обществе и обладающих большой властью, «должны создать собственную высокую культуру, лишь после этого они могут мечтать о создании государства, которое стало бы защищать их интересы» [1, с. 195].

Развивая идею Э. Геллнера о легитимирующей роли высокой культуры в закреплении особого статуса группы, можно заключить, что и культура в более широком понимании — как набор символов, институтов и практик, отличающих одну этническую группу от другой, принципиально важна для становления статусной иерархии. При этом важно отметить, что даже при таком расширенном понимании культуры значимым остается ее позиционирование в качестве не просто отличной от других культур данного региона, а особенной и престижной.

Для многих этнических групп религия является неотъемлемой и важной частью культуры. В целом религия имплицитно присутствует в любой культуре. Например, Р. Вильямс рассматривал религию в двух смыслах: как культуру и как идеологию [23]. Религия как культура, по его мнению, формирует идентичность, чувство солидарности, влияет на моральные отношения членов группы, мотивирует верующих к действиям. Религия как идеология влияет на политические отношения, поскольку она играет важную роль в создании символических миров, где разделяют данную систему мировоззрения. В этом смысле религия влияет на политическую жизнь как бы «за спиной» участников; ее влияние часто бывает эффективным без активного осознания теми, кто его испытывает. В своих рассуждениях ученый ссылается на Р. Ватноу и М. Виттена, называвших религию «неявной» культурой [24], паттерны которой так глубоко укоренены в обществе, что часто не осознаются. В совершенно различных вопросах политические соперники используют «культурную власть» религиозных символов, чтобы заставить их работать на общественную повестку дня [16].

Как отмечает Ф. Паркин, практики исключения часто оправдываются отсылками к различиям вероисповеданий, цвета кожи, языков [20, с. 14]. В реальности, когда речь идет о легитимации особого статуса этнической группы, если она отличается и по вероисповеданию, различия между факторами религиозности и этничности редко бывают четкими. По мнению американского ученого С. Апплеби, «религия и этническая принадлежность часто взаимосвязаны и взаимно влияют друг на друга» [10, с. 61]. Это происходит из-за того, что, стремясь к религиозной эндогамии, группа, проживающая в полиэтничном обществе, воспроизводит этническую эндогамию. С точки зрения

Э. Смита, специфическая форма религии адаптируется под каждую «ethnie» — этническую группу. Адаптация происходит посредством контроля религии над жизнью людей и осуществляется главным образом через запрет на межэтнические браки. Религиозное сообщество незаметно влияет на этническую дифференциацию через запрет выбора брачного партнера в иной среде. Другим примером поддержания границ этнической группы может являться традиция крещения ребенка в православии: крестными, то есть близкими людьми, но не обязательно связанными через родственные узы, для ребенка (и семьи в целом) могут стать лишь православные. Последующее поддержание установленных отношений, пусть даже в светском ключе, как, например, поздравления с днем рождения и со значимыми событиями в жизни, закрепляет социальные связи между единоверцами.

Естественно, те или иные религиозные традиции могут поддерживаться или игнорироваться конкретным членом группы. То есть уровень религиозного традиционализма в обществе может быть разным в зависимости от внутренних условий, в том числе степени контроля над соблюдением традиций внутри этнической группы со стороны других ее членов. Этот контроль, в свою очередь, зависит от необходимости бороться за статус группы. Так, если группа занимает высокое положение в этнической иерархии и при этом пользуется определенными привилегиями, степень контроля скорее высокая: соблюдение ряда норм, стиля жизни необходимо для поддержания статуса и ограждения от новых членов. Высокая степень контроля присутствует также, если группа занимает низкое положение: она стремится отделиться и создать свою собственную иерархию или, при невозможности этого, обеспечить психологически комфортное объяснение своего низкого статуса. В полиэтническом обществе, где статусы этнических групп равны, такой контроль минимален. Таким образом, наличие внутри полиэтнического сообщества особой религии у определенной этнической группы является дополнительным механизмом ограждения и основой для религиозного национализма.

Религия может быть и одним из ресурсов, мобилизующих этническую группу к политическим действиям. Социологи всегда понимали двойную функцию религии как «апологию и легитимацию статус-кво с одной стороны, и как способ протеста, изменения и либерализации, с другой стороны» [13; 23]. П. Бергер описывает религию как одновременно скрепляющую и разрушающую мир силу, способную легитимировать или изменить власть и привилегии определенной группы [12]. Это подтверждает тезис, что группы, используя свое религиозное отличие, могут потребовать для себя как инклюзивных,

так и эксклюзивных прав, мотивируя это особой религиозной миссией на территории или связью с колонизаторами, которые были отверженцами той же веры. Религиозные конфликты могут исследоваться как способы политической легитимации групповых требований, оформленные под религиозные движения [13]. Исследователи последних отметили, что когда религиозные активисты борются за легитимацию требований той религиозной группы, к которой принадлежат, они делают это скорее по политическим правилам [16; 19].

Резюмируя, необходимо подчеркнуть, что зарубежные исследователи взаимосвязи религии и национализма часто рассматривают первую как некий набор культурных символов, с помощью которых группы мобилизуются для выдвижения каких-либо требований, не обязательно связанных с религиозной моралью. В свою очередь, отстаивание этих требований может отражаться на сохранении статуса данной социальной группы или его изменении.

Подведем итоги.

Этнические группы возможно рассматривать как статусные группы, занимающие различное положение в социальной иерархии того или иного полиэтнического общества.

Каждая из групп стремится повысить или удержать свой статус; два основных механизма его изменения — исключение и узурпация. Контрагентами при исключении являются группы, стоящие на более низких ступенях социальной иерархии. И напротив, при узурпации контрагентами бывают группы, находящиеся в более выигрышном положении.

Процесс ограждения (удержания) привилегированного статуса всегда связан с монополизацией ресурсов. При этом статусные группы стремятся различными способами легитимировать свое право на эксклюзивное обладание теми или иными ресурсами.

Религия, как составная часть практически любой этнической культуры, является одним из важных инструментов монополизации ресурсов и ее легитимации, играет важную роль в получении, поддержании и сохранении особого статуса этнической группы.

Религия выступает инструментом легитимации особых прав группы или выдвижения соответствующих политических требований. Религиозные символы могут служить важным фактором мобилизации группы. Кроме того, религиозные практики и правила влияют на стилизацию жизни тех, кто причисляет себя к данной религии. Глубина этой стилизации, несомненно, зависит от степени религиозности конкретного индивида, однако в той или иной мере она присутствует всегда — из-за внутригрупповой солидарности и контроля со стороны других членов группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Нации и национализм* / Б. Андерсон, О. Брауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ и нем. Л.Е. Переяславской, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002.
2. Дробижева Л.М. Политические и социальные ориентации этнических групп как фактор межэтнической границы // *Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России* / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева; Институт этнологии и антропологии РАН. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
3. Дробижева Л.М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002.
4. Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт // *Язык и этнический конфликт* / Под ред. М. Брилл Олкотт, И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2001.
5. Савва М.В., Чупров В.И. Этнический статус в молодежной среде // *Демография*, 1992. С. 20–30.
6. Савва М.В. Этнический статус в идеологии и политике // *Политические исследования*. 1999. № 4.
7. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат, 1992.
8. Сорокин П.А. Проблема социального равенства // *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат, 1992.
9. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001.
10. Appleby R.S. The ambivalence of the sacred: Religion, violence, and reconciliation. New York: Rowman & Littlefield, 2000.
11. Barnhart J. The Incurably religious animal in Sahliyeh. New York: State University of New York Press, 1990. P. 27–32.
12. Berger P.L. The sacred canopy: Elements of a sociological theory of religion. Garden City, NY: Doubleday, 1967.
13. Billings D.B., Scott S.L. Religion and political legitimating // *Annual Review of Sociology*, 1994.
14. Bonacich E.A. Theory of ethnic antagonism: The split labor market // *Social stratification, class, race and gender in sociological perspective* / Ed. by D.B. Grusky. Oxford: Westview Press, 1994. P. 474–486.
15. Brubaker R. Religion and nationalism: Four approaches [online]. Date of access 25.08.2012. URL: <<http://www.sscnet.ucla.edu/soc/faculty/brubaker/>>.
16. Demerath N.J., Williams R.H. A bridging of faiths: Religion and politics in a New England City. Princeton: Princeton University Press, 1992.
17. Lincoln B. Religion, rebellion, revolution. London: Macmillan, 1985.
18. Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1985.
19. Hunter J.D. Culture wars: The struggle to define America. New York: Basic Books, 1991.

20. *Parkin F.* The social analysis of class structure. London: Tavistock Publications, 1974. P. 122.
21. *Thompson R.H.* Theories of ethnicity. A critical appraisal. New York: Greenwood Press, 1989. P. 91.
22. *Weber M.* Class, status and party // From Max Weber: Essays on sociology / Ed. by H.H. Gerth, C. Mills. New York: Oxford University Press, 1948.
23. *Williams R.H.* Religion as a political resource: Culture or ideology? // Journal for the Scientific Study of Religion. Vol. 35. No. 4. Dec. 1996.
24. *Wuthnow R., Witten M.* New directions in the study of culture // Annual Review of Sociology. 1988. No. 14. P. 49–67.